

М.В. Ладутько (г. Могилев, Беларусь)

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ И. БРОДСКОГО

Пустое пространство у И. Бродского становится интегральным символом, потому что оно соединяет **бытие с небытием**. Так, в стихотворении «Бабочка», в образе-концепте **бабочка**, в ее краткой и обреченной красоте заключен эквивалент бытия и творчества: *Я думаю, что – ты и то и это: звезды, лица, предмета в тебе черты и ...так делает перо судьбу своей строки...*

В русской картине мира с образом **бабочка** связано представление о чем-то недолговечном, ничего не значащим. Слово «бабочка» образовано от «бабка», раньше эта лексема имела значение «безделица», «нестоящая вещь». Это подтверждается такими фразеологизмами, как: *бабы города недолго стоят; курица не птица, а баба не человек; бабы-то промыслы, что неправые помыслы.*

Всего в «Бабочке» 14 строк. Расположение каждых двух строк на отдельной странице напоминает форму тела бабочки, крыльями которой служат белые края листа: *Сказать, что ты мертва? Но ты жила лишь сутки. Как много грусти в шутке Творца! Едва могу произнести «жила» – единство даты рождения и когда ты в моей горсти рассыпалась, меня смущает вычесть одно из двух количеств в пределах дня.*

Жизнь бабочки настолько коротка, что восприятие времени почти приравнено к небытию, разница между «жила» и «не жила» настолько незначительна, что ею можно пренебречь, принять ее за допустимую погрешность + – день. Сходство **бабочки** с «каждой Божьей тварью», с поэтом и его стихами объясняется тем, что **бабочка** есть **воплощенная пустота, сгусток пустоты, ничто**: *Ты лучше, чем Ничто. Верней: ты ближе и зримее. Внутри же на все сто Ты родственна ему.*

Пустота Бродского – то, что ожидает человека после смерти: *Наверно, после смерти – пустота... И вероятнее, и хуже Ада. Ты всем была. Но, потому что ты теперь мертва... ты стала ничем – точ-*

нее **сгустком пустоты**. Что тоже, как подумаешь, немало. Поэтому ход жизни, ход времени подчинен пустоте и ведет к пустоте.

Отсюда первый философский посыл поэта – **размышление над проблемой разности восприятия времени человеком и бабочкой**:

1. Относительность понятия времени. День как самая крупная единица времяисчисления для бабочки (вся жизнь) и самая мелкая для человека (поддается забвению). Но глазами бабочки поэт не может смотреть на мир, поэтому, оценивая ее жизнь на фоне человеческого времяисчисления, он жалеет бабочку, жизнь которой так коротка. С другой стороны, не может он взглянуть на вещи и глазами Творца и, рассматривая бабочку как равноценного представителя живого мира, не может не думать о обделенности бабочки. Отсюда и его оценка создания Творцом бабочки как шутки, в которой, с человеческой точки зрения, много грусти.

2. Попытка рациональной оценки человеком деятельности Творца: для чего создавать бабочку?

3. Здесь заложена эмоциональная оценка этой деятельности: если это шутка, то шутка грустная.

Вторая строфа представляет собой развернутое **сравнение человеческого дня** (времени) и **бабочки** (материальной субстанции): *Затем что дни для нас – ничто. Всего лишь ничто. Их не приколешь, и пищей глаз не сделаешь: они на фоне белом, незримы. Дни, они как ты; верней, что может весить уменьшенный раз в десять один из дней?*

Поэт приходит к тождеству **бабочки и человеческих дней** через **парадокс**: *дни (для нас) не такие, как ты, поэтому дни для нас такие, как ты*. Это доказательство передано не в виде общепринятого сравнения: *дни не похожи на бабочку потому-то и потому-то*, а **опосредованно** – поэт говорит о днях в терминах бабочки: **их не приколешь** (как тебя); **пищей глаз не сделаешь** (как тебя); **не обладает телом** (как ты).

Человеческий день, как и бабочка, – ничто. Единицы настолько мелкие, что приравниваются в человеческом сознании к отсутствию материи, будь то мысль или плоть.

Поэт как бы впервые сознает тщетность своего вопроса, но дело не в том, что **бабочка** мертва, а в **безголосии** бабочки. Это приводит к осознанию релятивности оппозиции **живой – мертвый**, столь существенной для человека, в языке которого **говорение** – синоним жизни, а **молчание** – смерти.

Ты не ответишь мне не по причине застенчивости и не со зла, и не затем что ты мертва. Жива, мертва ли – не каждой Божьей твари как знак родства дарован голос для общенья, пенья; продления мгновенья, минуты, дня.

Смысловая лесенка от **безголосия** бабочки ведет к теме **голоса поэзии** как своеобразной **форме продления жизни/времени**.

Девятая строфа заканчивается **сравнением бабочки и времени** (как своеобразное продолжение цепочки **бабочка – день/дни**): «Бесплотнее, чем время, беззвучней ты», углубляя семантическую линию звука поэзии как способа материализации времени или как способа борьбы с ним. Именно поэтому **бабочке** не стоит сокрушаться из-за своей немоты, так как немота ставит ее вне времени – вне тюрьмы минувшего и грядущего, тем самым спасая ее от страха смерти.

В одиннадцатой строфе показано развернутое **сравнение**, как **бабочка порхает и не знает ни цели своего полета, ни кто им руководит, но доверяет ему, так и перо поэта пишет, не зная, что ждет написанное им в будущем, но доверяясь «толчкам руки»**. Снова образ-концепт **бабочка** присутствует лишь в подтексте, а не в тексте строфы, где перо трактуется как бабочка: *Так делает перо, скользя по глади расчерченной тетради, не зная про судьбу своей строки, где мудрость, ересь смешались, не доверяясь толчкам руки, в чьих пальцах бьется речь вполне немая, не пыль с цветка снимая, но тяжесть с плеч.*

Здесь звучат две темы – о соразмерности человека-творца и Бога-творца и о доверии к вьющей целесообразности мироустройства.

И. Бродский в «Бабочке» выдвигает концепцию по вопросу отношения Бога и Его цели и Бога и человека. Он признает существование Бога (в стихотворении – Творца): Бог есть, но вряд ли у Него есть цель в человеческом понимании, а если есть, то цель не мы (опровержение религиозной точки зрения), следовательно, бесполезно сердиться на Него и отвергать Его мир. К выводу «цель не мы» И. Бродский приходит через размышление о природе времени. Творец не сделал человека бессмертным, хотя и мог; показатели тому вечность других его творений – света и тьмы – их не приколешь, как бабочку (или человека): *для света нет иголок / и нет для тьмы*. В подтексте этой строфы содержится и логически связанное с текстом сомнение о всемогуществе творца: если не создал время, для которого нет иголок, значит, сам «у времени в плену», т.е. ты не всемогущ. Можно забыть о смерти, как и делают многие люди, не думающие о течении времени. Не задумываются они и о **бабочке**, рассматривая ее как ничто, как прожитый и забытый день: *Сказать тебе «Прощай»? Как форме суток? Есть люди, чей рассудок стрижет лишай забвенья; но взгляни: тому виною лишь то, что за спиною у них не дни с постелью на двоих, не сны дремучи, не прошлое – но тучи, сестер твоих!*

Итак, у И.Бродского концепт «**пространство**» также реализуется через образ **бабочки**, которая воплощает в себе **пустое пространство**. **Пустота**, по И.Бродскому, – то, что ожидает человека после смерти. Образ-концепт **бабочка** отражает и концепт «**время**». Поэт

размышляет над проблемой разности восприятия времени человеком и бабочкой. Человеческий день, как и бабочка, – ничто. Бродский приходит к выводу, что люди, и даже Бог, находятся «у времени в плену».

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова